

Парадигмальные основы пенитенциарно-правовой доктрины

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются перспективы использования парадигмальных оснований юридической науки пенитенциарно-правовой доктриной. Достижению парадигмальной стадии пенитенциарно-правовой доктрины могут способствовать «парадигмальные прививки» из общенаучной сферы. Пенитенциарная наука должна учитывать общенаучные достижения, выраженные в соответствующих парадигмальных теориях: – феноменология и либерализм позволяют освободиться от тоталитарных оков, приступить к рассмотрению проблем исполнения наказаний с чистого листа; – либертарно-юридическая концепция способна внести положительный вклад в сферу исполнения наказаний, дав определенный простор разумной инициативе; – в контексте синергетической парадигмы можно обратить внимание на стихийную самоорганизацию сферы исполнения наказаний в связи с дисбалансом кары и исправления как сущностных сторон уголовного наказания; – применение герменевтической парадигмы позволит подойти с новых интерпретационных позиций к различным направлениям уголовно-исполнительной политики; – использование подходов постклассической юриспруденции даст возможность рассматривать уголовно-исполнительную деятельность не как перманентно идеальную систему, а как нуждающийся в постоянном внимании и требующий постоянного совершенствования вид юридической деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пенитенциарно-правовая доктрина; правовая парадигма; парадигмальная основа юриспруденции; гуманизация; феноменология; синергетика; герменевтика; постклассическая юриспруденция.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история о праве и государстве.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Парадигмальные основы пенитенциарно-правовой доктрины. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 2 (12), с. 20–26, DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-20-26.

Paradigmatic foundations of the penitentiary legal doctrine

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activities of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Pedagogy, PhD. of Law, Associate Professor;

V. V. SHAKHANOV – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor

The article analyzes the prospects for using by the penitentiary-legal doctrine the paradigmatic foundations of legal science. Achievement of the paradigmatic stage of the penitentiary-legal doctrine can be facilitated by "paradigmatic vaccinations" from the general scientific sphere. Penitentiary science should take into account the general scientific achievements expressed in the relevant paradigmatic theories:

- phenomenology and liberalism will make it possible to free oneself from the totalitarian shackles, to look at the problems of execution of punishments "from scratch";
- the libertarian legal concept is able to make a positive contribution to the sphere of the execution of punishments, giving a certain scope to reasonable initiative;
- in the context of the synergetic paradigm attention can be drawn to the spontaneous self-organization of the sphere of the execution of punishments in connection with the imbalance of punishment and correction as the essential aspects of criminal punishment;
- the application of the hermeneutic paradigm will make it possible to approach from new interpretative positions to various areas of the penal policy;
- the use of the approaches of postclassical jurisprudence will make it possible to consider penal activity not as a permanently ideal system, but as a type of legal activity that needs constant attention and requires constant improvement.

Key words: penitentiary legal doctrine; legal paradigm; paradigm basis of jurisprudence; humanization; phenomenology; synergetics; hermeneutics; postclassical jurisprudence.

12.00.01 – Theory and history of law and state; a story about law and state.

12.00.08 – Criminal Law and Criminology; penal law.

For citation: Lapshin V. E., Shakhanov V. V. Paradigmatic foundations of the penitentiary legal doctrine. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 2 (12), pp. 20–26 , DOI 10.46741/2713-2811-2021-2-20-26.

Законодательные акты должны отвечать социальным ожиданиям и потребностям. Противоположные тенденции детерминируют кризис в сфере правового регулирования, ведут к ее девальвации. В подобной ситуации исследователи все чаще обращаются к парадигмальной основе юриспруденции. Пенитенциарная наука также подвержена влиянию общих тенденций в данной сфере, но имеет и свои специфические черты, определяемые направлением деятельности. В последние годы (пожалуй,

можно говорить уже и о десятилетиях) парадигмальной основой пенитенциарно-правовой доктрины являются гуманизация условий отбывания наказания в местах лишения свободы, приведение их в соответствие с международными стандартами. Не следует забывать о том, что частное подвержено влиянию общего и без учета общих тенденций достичь высоких результатов, опираясь лишь на частное, невозможно. В рамках настоящей статьи обратим внимание на общие парадигмальные основания юридиче-

ской науки, оказывающие влияние на сферу правотворчества, которые необходимо учитывать при формировании уголовно-исполнительной политики.

Некоторые авторы смотрят на парадигмальную проблематику глубже, выделяя целый парадигмальный спектр. Так, В. Е. Чиркин разделяет социоэкономическую парадигму современной конституции на парадигму-реалию и парадигму-концепцию (парадигму-конструкцию)¹. В любом случае необходимо прежде всего определиться с понятиями, в частности с содержанием термина «парадигма».

Слово «парадигма» имеет греческое происхождение и в переводе означает «модель», «образец». В историческом ракурсе данный термин вариативен: его использовали в космогонии и учении о государстве (Платон), рассматривали как вид индукции (Аристотель).

Что представляют собой парадигмы в праве или правовые парадигмы? Здесь не сложилось единого подхода. Так, Е. А. Войниканис под данным правовым явлением понимает «органическое единство осознанных и неявных представлений (взглядов, убеждений) о праве, обществе, государстве и их взаимосвязи, основанных на данных представлениях ценностно-целевых установок, а также профессионального опыта (навыков, приемов и стандартов)»².

Один из соавторов данной статьи определяет правовую парадигму как «совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, концептуальные воззрения и т. п.), используемых членами научного сообщества без сомнений и разногласий, составляющих основу его деятельности по приращению научных знаний, создающих определенное видение правовой реальности и, в конечном счете, детерминирующую эволюционную фазу формирования юридической системы, являющихся отражением «духа времени»»³.

Очевидно, что парадигма представляет собой, с одной стороны, некие квинтэссенцию, ориентир познавательной деятельности, с другой – некий банк наличных знаний, приобретенных с опорой на определенную систему координат, формируемую под влиянием разделяемых всеми членами научного сообщества установок и ценностей.

Термин «парадигма» чаще всего связывают с именем американского исследователя Томаса Куна – автора парадигмальной кон-

цепции развития научного знания. Его парадигмальный подход соотносится с понятием «научное сообщество». Исследователи отмечают, что в своей работе Т. Кун двадцать один раз использует термин «парадигма» в разных значениях, что усложняет его аутентичное понимание. В своих суждениях ученый переходит от понятия «парадигма» к термину «дисциплинарная матрица», фактически отождествляя их.

Правовые парадигмы имеют определенную иерархию. С момента принятия Конституции 1993 г. в России действовала либеральная парадигма, которую можно было рассматривать как господствующую, так как она оказывала наибольшее влияние на вектор правового развития. Либеральные идеи нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации и законодательных актах, принятых в развитие конституционных положений (свобода во всех ее проявлениях: свобода слова, печати, договора, завещания и др.). Как либеральную характеризует Конституцию России В. Мау, отмечая переплетение в ее тексте политического и экономического либерализма⁴.

Здесь есть определенные риски, связанные с историческими, этническими и культурными аспектами. Заимствование не всегда дает ожидаемые результаты, приживается на национальной почве. Так, по мнению Н. И. Матузова, «большой праволиберальный проект западного образца в нашей стране так и не состоялся»⁵. Несмотря на это, либерализм не следует рассматривать как негативное явление. По мнению Н. А. Власенко, либерализм сыграл положительную роль как в раскрепощении исследовательского духа ученых, чей творческий путь был начат в советский период, так и в привлечении в юридическую науку молодых исследователей, не обремененных оковами тоталитаризма⁶.

Либерализм как правотворческая парадигма в одной стране может быть отторгнут и не рассматриваться в качестве таковой в условиях иных национальных правовых систем. Причина этого может заключаться в иных ценностях и традициях, считающихся эталонными для данной конкретной страны. Так, либеральный термин «народный суверенитет», включенный по настоятельному требованию американских кураторов в конституцию Японии, приобрел в ней иной смысл в сравнении с англоязычной трактовкой⁷.

С действием либеральной парадигмы исследователи связывают рост правового ни-

гилизма в нашей стране, объясняя данный феномен отсутствием учета этнического опыта народностей, проживающих на территории Российской Федерации⁸.

Господствующую в настоящее время правовую парадигму мы охарактеризовали бы как парадигму государствоцентризма⁹. Подтверждение следования данному направлению на законодательном уровне можно найти в принятых поправках к Конституции Российской Федерации, в частности в возвращении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти Российской Федерации (ч. 3 ст. 132).

Степень и характер восприятия реальностей, пограничных с правовой, является еще одним классификационным критерием правовых парадигм. Здесь можно говорить о синергетической парадигме, имеющей междисциплинарный характер, которая, используя определенные закономерности в процессах, склонных к самоорганизации, установила закономерности, используемые в настоящее время в качестве методологического инструментария всеми общественными науками¹⁰. Опираясь на основные постулаты данной парадигмы (принципы самоорганизации), можно дать научное обоснование правовым явлениям, носящим, возможно, даже аномальный характер¹¹.

При оперировании синергетическими терминами в юриспруденции имеет место ситуация, когда они не вполне точно отражают заложенный в них изначально смысл. Подобная ситуация, по мнению Е. В. Тимошиной, сложилась вокруг определения права, привнесенного адептами синергетической юридической парадигмы. Они рассматривают право как нелинейно развивающуюся самоорганизующуюся систему, проходящую через точки бифуркации. Подобная ориентация на использование естественно-научной терминологии является выражением сохраняющегося в социально-гуманитарных науках своеобразного комплекса неполноценности¹². Заимствование терминов гуманитариями из технической сферы научного знания может и вовсе обернуться бессмыслицей¹³.

В последнее время взор научного сообщества все чаще обращается в сторону феноменологии, которую также можно рассматривать как парадигму познания. Раскрывая суть феноменологического метода, Ю. С. Завьялов и И. В. Галкин обращают внимание на то, что «феноменологическая установка интенциональности сознания позволяет осуществить нашему сознанию акт

“вынесения за скобки” всего тенденциозного, эпохального, непосредственно связанного с профессиональными идеологическими либо политическими деформациями или абберациями правосознания. Иначе говоря, изучаются не реальные государства и право, а их идеальное отражение, возникающее в сознании исследователя»¹⁴. Таким образом, осуществив акт феноменологической редукции, мы обращаемся к государству и праву «как к феноменам, непосредственно явленным в нашем сознании, а не предзаданным или навязанным нам чьим-либо властным принуждением или государственной индокриной»¹⁵.

И. Л. Честнов фактически предлагает рассматривать в качестве правовой парадигмы постклассическую юриспруденцию, которая «в эпистемологическом (методологическом) смысле должна отвечать следующим критериям:

- должна быть критикой классической юриспруденции, прежде всего ее догматичности, претензии на универсальность и аподиктичность;

- должна быть рефлексией второго порядка: относительно реальности, ее социальной обусловленности и субъекта познания;

- в ней должна признаваться и обосновываться многомерность права (множество модусов бытия: не только в качестве нормы, правопорядка и правосознания, но и как института, практики его воспроизводства и человека, конструирующего и воспроизводящего институт);

- в ней должна постулироваться сконструированность и одновременно социокультурная обусловленность правовой реальности;

- наконец (хотя этот перечень может быть продолжен), она должна стать “человекоцентристской”, т. е. полагать человека как творца правовой реальности, воспроизводящего ее своими практиками»¹⁶.

Важным веянием постклассической юриспруденции является использование интегративного подхода, который также претендует на роль современной правовой парадигмы. В качестве его разработчиков обычно называют В. Г. Графского, А. В. Полякова, А. С. Яценко, П. Виноградова, Дж. Холла, Г. Бермана. Последний отмечает, что необходимость в интегрированной юриспруденции возникла как ответ на кризис либеральных идей в праве¹⁷.

В качестве одной из научных парадигм рассматривают и либертарно-юридиче-

скую концепцию, автором которой является В. С. Нерсисянц. Ее основную идею составляет единство трех основных компонентов правовой формы: абстрактного равенства, свободы и справедливости. Критикуя либертарную концепцию права, В. Е. Чиркин отмечает, что «она искажает многие веками сложившиеся и оправдавшие себя понятия юриспруденции. Теория в либертарной концепции не согласуется с фактами. Практически эта концепция может оказаться мало полезной для юристов, если она будет в связи с субъективной оценкой призывать не соблюдать “плохой” закон и не считаться с “нехорошим” государством»¹⁸.

Ценность парадигмального подхода не получила безоговорочного признания. Например, Н. А. Власенко скептически высказывается в отношении парадигмального подхода в целом применительно к нуждам юридической науки. При этом он не отрицает сам факт смены научных парадигм, считая это явление естественным для всех наук, в том числе и для юриспруденции. Невозможна, по его мнению, резкая смена научных парадигм в гуманитарных науках в целом¹⁹. О сложностях использования парадигмальной концепции развития науки в юридической плоскости говорит и Л. С. Мамут, отмечая что она «базируется на опыте, который вырос из занятий историей естествознания»²⁰.

Тем не менее термин «парадигма» уже давно укрепил свои позиции в юридической науке. Так, Е. В. Тимошина отмечает, что «понятие парадигмы, если использовать его не в строгом смысле концепции Т. Куна, является вполне операциональным, в частности для выражения типологических особенностей стиля философско-правового мышления»²¹.

Роль правовых парадигм особенно велика в обосновании юридической силы и логической обусловленности решений официальных государственных органов (субъектов нормотворческой деятельности), которые «должны подлежать проверке на предмет соответствия их содержания доктринально сформулированной парадигме правового суждения»²². Парадигма способна выступать в качестве эффективного барьера в условиях откровенного лоббизма и политической демагогии.

Применительно к правовой системе в целом говорят о необходимости изменения парадигмы взаимодействия государства и человека. Так, Е. А. Лукашева замечает, что системоцентристский подход («человек для государства») в нашей стране до сих пор не

преодолен. Необходимо длительное время, чтобы такой подход реально сменился на новую парадигму «государство для человека», как это провозглашено в Конституции России²³. Полагаем, что подобная парадигмальная трансформация наиболее близка и системе исполнения наказаний. Как мы уже отмечали ранее, парадигмальной основой пенитенциарно-правовой доктрины являются гуманизация условий отбывания наказания в местах лишения свободы, приведение их в соответствие с международными стандартами. Движению в данном направлении будут способствовать «парадигмальные прививки» из общенаучной сферы. Пенитенциарная наука не должна замыкаться на себя. Необходимо учитывать и общенаучные достижения, выраженные в соответствующих парадигмальных теориях. Так, феноменология и либерализм позволят освободиться от тоталитарных оков, приступить к рассмотрению проблем исполнения наказаний с чистого листа.

Либертарно-юридическая концепция со своими «правовыми» и «неправовыми» законами, несмотря на ее критикуемость, также способна внести положительный вклад в сферу исполнения наказаний, дав определенный простор разумной инициативе. Ведь не секрет, что слепое следование всевозможным инструкциям иногда убивает гуманистическую составляющую как в работе с осужденными, так и во взаимоотношениях между сотрудниками УИС.

В контексте синергетической парадигмы можно обратить внимание на стихийную самоорганизацию сферы исполнения наказаний в связи с дисбалансом кары и исправления как сущностных сторон уголовного наказания²⁴.

Использование герменевтической парадигмы позволит подойти с новых интерпретационных позиций к различным направлениям уголовно-исполнительной политики. Так, цели уголовно-исполнительного правоотношения при их рассмотрении сквозь призму интегративного подхода могут быть вписаны в общую матрицу целей правоотношений, в том числе с выделением метачелей²⁵.

Использование подходов постклассической юриспруденции позволит рассматривать уголовно-исполнительную деятельность не как перманентно идеальную систему, а как нуждающийся в постоянном внимании и требующий постоянного совершенствования вид юридической деятельности.

На основании проведенного анализа роли правовых парадигм в юридической доктрине мы пришли к следующим выводам:

1. Парадигмальные основы правотворческой деятельности нуждаются в переосмыслении. Результаты правотворческой деятельности необходимо скорректировать, очистив их от крайних проявлений либерализма, и наполнить новым содержанием, отражающим современные социальные ожидания.

2. Роль правовых парадигм особенно велика в обосновании юридической силы и логической обусловленности решений официальных государственных органов (субъектов нормотворческой деятельности), которые «должны подлежать проверке на предмет соответствия их содержания доктринально сформулированной парадигме правового суждения»²⁶. Парадигма способна выступать в качестве эффективного барьера в условиях откровенного лоббизма и политической демагогии.

3. Учение о парадигмах необходимо развивать, так как оно имеет важное теоретическое и методологическое значение для всех общественных наук в целом и юриспруденции в частности.

4. Парадигмальный подход позволяет учитывать альтернативные модели регулирования, используя глубокий анализ зарубежного опыта, исторические аспекты и национальные традиции.

5. С действием либеральной парадигмы исследователи связывают рост правового нигилизма в нашей стране, объясняя данный феномен отсутствием учета этнического опыта народностей, проживающих на территории Российской Федерации.

6. Необходимо изменить парадигму взаимодействия государства и человека.

7. При планировании и осуществлении уголовно-исполнительной политики следует учитывать парадигмальные основания юридической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чиркин В. Е. Социальноэкономическая парадигма российской Конституции 1993 г.: плюсы и минусы // Журн. рос. права. 2018. № 7. С. 5.

² Войничанис Е. А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 14.

³ Шаханов В. В. Правовые парадигмы : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 35.

⁴ См.: Мау В. Конституция 1993 года и экономические реформы в России // Конституц. право: восточноевроп. обозрение. 2003. № 4. С. 163.

⁵ Матузов Н. И. О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 13.

⁶ См.: Власенко Н. А. Методологические проблемы современной теории права // Журн. рос. права. 2019. № 4. С. 7.

⁷ См.: Керимов А. Д. О преждевременности отказа от сложившихся традиций в конституционном праве : Рецензия на : Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» // Гос-во и право. 2011. № 8. С. 123.

⁸ См.: Баранов В. М., Овчинников А. И. Этнокультурная экспертиза в правотворческом процессе // Там же. 2011. № 6. С. 28.

⁹ См.: Шаханов В. В. Риски использования метафеноменов в праве // Юрид. техника. 2019. № 13. С. 394.

¹⁰ См.: Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // Гос-во и право. 2002. № 4. С. 64.

¹¹ См.: Сатолина М. Н. Современные тенденции развития теории права // Там же. 2014. № 4. С. 31–32.

¹² См.: Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права : моногр. / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 235.

¹³ См.: Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 154.

¹⁴ Жуков В. Н. Методология теории государства и права // Теория государства и права / под ред. О. В. Мартышина. М., 2007. С. 37.

¹⁵ Завьялов Ю. С., Галкин И. В. Феноменология и познание права // Гос-во и право. 2015. № 2. С. 64.

¹⁶ Честнов И. Л. Методология и методика научного исследования : учеб. пособ. СПб., 2018. С. 14.

¹⁷ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права. М., 1998. С. 624.

¹⁸ Чиркин В. Е. Субъективные заметки о либертарной концепции права в российской юридической науке // Гос-во и право. 2013. № 10. С. 38.

¹⁹ См.: Власенко Н. А. Методологические проблемы современной теории права. С. 5.

²⁰ Мамут Л. С. Правовые идеи классического либерализма в контексте современной юриспруденции // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. К 70-летию профессора В. Г. Графского. М., 2008. С. 150.

²¹ Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления. С. 228.

²² Пермяков Ю. Е. Обеспечение юридической силы правовых норм посредством доктринальных суждений // Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2004. С. 111.

²³ См.: Шульженко Ю. Л., Виноградова Е. В., Кроткова Н. В., Патюлин Г. С. Институционализация доктрины конституционализма (по итогам всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Гос-во и право. 2019. № 4. С. 43.

²⁴ См.: Свинин Е. В. Кара и исправление как стороны уголовного наказания: вопросы правовой политики и правопорядка // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 30–31 октября 2020 г.). СПб., 2020. С. 129.

²⁵ См.: Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Цель и метацель правоотношения (общетеоретический анализ) // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2019. № 4 (53). С. 153.

²⁶ Пермяков Ю. Е. Обеспечение юридической силы правовых норм посредством доктринальных суждений. С. 111.

- ¹ Sm.: Chirkin V. E. Socioekonomicheskaya paradigma rossijskoj Konstitucii 1993 g.: plyusy i minusy // Zhurn. ros. prava. 2018. № 7. S. 5.
- ² Vojnikanis E. A. Paradigmal'nyj podhod k issledovaniyu intellektual'nyh prav : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2015. S. 14.
- ³ Shahanov V. V. Pravovye paradigmy : dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2005. S. 35.
- ⁴ Sm.: Mau V. Konstituciya 1993 goda i ekonomicheskie reformy v Rossii // Konstituc. pravo: vostochnoevrop. obozrenie. 2003. № 4. S. 163.
- ⁵ Matuzov N. I. O metodologicheskoy situacii v rossijskom pravovedenii // Sovremennye metody issledovaniya v pravovedenii / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. Saratov, 2007. S. 13.
- ⁶ Sm.: Vlasenko N. A. Metodologicheskie problemy sovremennoj teorii prava // Zhurn. ros. prava. 2019. № 4. S. 7.
- ⁷ Sm.: Kerimov A. D. O prezhddevremennosti otказа ot slozhivshihya tradicij v konstitucionnom prave : Recenziya na : Osavelyuk A. M. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti "Yurisprudenciya" // Gos-vo i pravo. 2011. № 8. S. 123.
- ⁸ Sm.: Baranov V. M., Ovchinnikov A. I. Etnokul'turnaya ekspertiza v pravotvorcheskom processe // Tam zhe. 2011. № 6. S. 28.
- ⁹ Sm.: Shahanov V. V. Riski ispol'zovaniya metafenomenov v prave // Yurid. tekhnika. 2019. № 13. S. 394.
- ¹⁰ Sm.: Vetyutnev Yu. Yu. Sinergetika v prave // Gos-vo i pravo. 2002. № 4. S. 64.
- ¹¹ Sm.: Satolina M. N. Sovremennye tendencii razvitiya teorii prava // Tam zhe. 2014. № 4. S. 31–32.
- ¹² Sm.: Timoshina E. V. Klassicheskoe i postklassicheskoe pravoponimanie kak stili filosofsko-pravovogo myshleniya // Postklassicheskaya ontologiya prava : monogr. / pod red. I. L. Chestnova. SPb., 2016. S. 235.
- ¹³ Sm.: Sokal A., Brikmon Zh. Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoj filosofii postmoderna. M., 2002. S. 154.
- ¹⁴ Zhukov V. N. Metodologiya teorii gosudarstva i prava // Teoriya gosudarstva i prava / pod red. O. V. Martyshina. M., 2007. S. 37.
- ¹⁵ Zav'yalov Yu. S., Galkin I. V. Fenomenologiya i poznanie prava // Gos-vo i pravo. 2015. № 2. S. 64.
- ¹⁶ Chestnov I. L. Metodologiya i metodika nauchnogo issledovaniya : ucheb. posob. SPb., 2018. S. 14.
- ¹⁷ Sm.: Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava. M., 1998. S. 624.
- ¹⁸ Chirkin V. E. Sub"ektivnye zametki o libertarnoj koncepcii prava v rossijskoj yuridicheskoy nauke // Gos-vo i pravo. 2013. № 10. S. 38.
- ¹⁹ Sm.: Vlasenko N. A. Metodologicheskie problemy sovremennoj teorii prava. S. 5.
- ²⁰ Mamut L. S. Pravovye idei klassicheskogo liberalizma v kontekste sovremennoj yurisprudencii // Pravovye idei i instituty v istoriko-teoreticheskom diskurse. K 70-letiyu professora V. G. Grafskogo. M., 2008. S. 150.
- ²¹ Timoshina E. V. Klassicheskoe i postklassicheskoe pravoponimanie kak stili filosofsko-pravovogo myshleniya. S. 228.
- ²² Permyakov Yu. E. Obespechenie yuridicheskoy sily pravovyh norm posredstvom doktrinal'nyh suzhdenij // Pravovaya politika: ot koncepcii k real'nosti / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. M., 2004. S. 111.
- ²³ Sm.: Shul'zhenko Yu. L., Vinogradova E. V., Krotkova N. V., Patyulin G. S. Institucionalizaciya doktriny konstitucionalizma (po itogam vserossijskoj nauchnoj konferencii «XXV let Konstitucii Rossijskoj Federacii: transformaciya paradigmy prava v civilizacionnom razviti chelovechestva») // Gos-vo i pravo. 2019. № 4. S. 43.
- ²⁴ Sm.: Svinin E. V. Kara i ispravlenie kak storony ugovnogo nakazaniya: voprosy pravovoj politiki i pravoporyadka // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika : sb. materialov VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Sankt-Peterburg, 30–31 oktyabrya 2020 g.). SPb., 2020. S. 129.
- ²⁵ Sm.: Lapshin V. E., Shahanov V. V. Cel' i metacel' pravootnosheniya (obshcheteoreticheskij analiz) // Vestn. Vladimir. yurid. in-ta. 2019. № 4 (53). S. 153.
- ²⁶ Permyakov Yu. E. Obespechenie yuridicheskoy sily pravovyh norm posredstvom doktrinal'nyh suzhdenij. S. 111.